

Глава 1

— Нань Цзин? Девятнадцать лет? Хоть понимаешь, в чём заключается работа ассистента режиссёра?

Нань Цзин кивнул. Он стоял, опустив руки и слегка сжав пальцами ткань брюк.

— Да. Заботиться о быте режиссёра, таскать оборудование, не бояться тяжёлой работы, быть расторопным и поменьше болтать.

Мужчина в очках без диоптрий изучающе оглядел юношу: чёрная рубашка с короткими рукавами, левое запястье туго обмотано белым бинтом — судя по всему, травмировано. Классические брюки сидели высоко и плотно, стянутые ремнем на слишком узкой талии.

Немного отросшие волосы лежали небрежно — парень явно не утруждал себя уходом. Лицо бледное, тонкие губы, высокий изгиб бровей и густые угольно-чёрные ресницы. Слегка раскосые глаза таили в себе странную остроту: когда он моргал, косые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь раму, вспыхивали в светлых радужках холодным блеском, напоминающим грани разбитого зеркала. На бледной шее, у самых ключиц, виднелся красный шнурок, похожий на тонкую струйку крови.

Редкое сочетание внешности и харизмы: в нём сквозила какая-то дикая, неотёсанная холодность, которая, однако, не отталкивала, а парадоксальным образом располагала к себе. Идти в простые побегушки с такими данными было даже жаль. С другой стороны, в нынешнем шоу-бизнесе взлёт зависел исключительно от готовности пробивать очередное дно, так что красивое лицо ещё ничего не гарантировало.

Нань Цзин от волнения едва заметно потер ладони о ткань брюк, но сразу же взял себя в руки. Кадровик молча изучал его ещё пару минут, после чего наконец кивнул:

— Ладно. Режиссёр Юй требует на площадке абсолютного контроля и не выносит лишнего шума. Имей это в виду. Иди за мной.

Собеседование проходило в павильонах киностудии Столичного града. Нань Цзин устраивался ассистентом к знаменитому режиссёру Юй Аньяню. В прошлом году тот прогремел на весь мир с триллером «Смертельный перезапуск», собравшим главные награды на трёх крупнейших кинофестивалях. Но дело было не только в таланте: Юй Аньянь приходился старшим сыном Юй Хуну, магнату в сфере бытовой техники. Огромные семейные ресурсы в сочетании с неоспоримым видением художника сделали его одной из самых влиятельных и востребованных фигур в отечественном кинематографе.

Шагая по коридору к съёмочному павильону, кадровик не упускал возможности поучать парня:

— Считаю, тебе сказочно повезло. Режиссёр Юй в этот раз специально просил найти на должность бытового ассистента кого-нибудь попроще, без блестящего диплома и связей — хочет понаблюдать за поведением людей твоего круга. Не будь этого каприза, ты бы за всю жизнь и близко к нему не подошёл. Так что держи ухо востро и цени этот шанс.

Нань Цзин молча шёл следом, лишь плотно сжав губы.

«Ну и нелюдимый же тип», — мысленно фыркнул сопровождающий, покосившись на парня. В резюме у того было шаром покати, ни малейшего намёка на услужливость. Абсолютно непонятно, чем руководствовалось начальство, отбирая подобного кандидата.

В павильоне царил полумрак. Исполнитель главной роли — смазливый молодой актёр — с зажжённой свечой в руках осторожно склонился над лежащим на полу телом, проверяя дыхание. Вокруг него на полу расплывались пятна бутафорской крови. Всё пространство было утыкано камерами, а под самым потолком сиротливо покачивалась огромная хрустальная люстра. Судя по всему, снимали ключевую сцену триллера.

Нань Цзин проследил за направлением руки кадровика и увидел Юй Аньяня. Тот сидел, слегка подавшись вперёд к монитору.

Режиссёр был одет в свободную рубашку цвета хаки, чёрные брюки и грубые кожаные ботинки, на голове — простая чёрная кепка. Откинувшись на спинку кресла, он сосредоточенно смотрел на экран. В ушах темнели наушники, а на неестественно бледном запястье поблёскивали дорогие механические часы. Кожа Юй Аньяня казалась почти прозрачной. Холодный прищур, тонкие губы, а под правым глазом горела контрастная алая родинка — слезинка. По одному его виду было ясно, что характер у режиссёра не сахар. Из тех людей, с кем Нань Цзин предпочёл бы никогда не пересекаться.

— Стоп. Ещё дубль, — негромко, но до резкости холодно произнёс Юй Аньянь.

Группа послушно замерла. Все как один повернули головы в сторону режиссёрского кресла.

Сопровождающий быстро оттащил Нань Цзина поглубже в тень декораций и зашептал у самого уха:

— В группе режиссёра Юй его слово — абсолютный закон. Ради чистоты звука он требует безупречной тишины. Работать будешь в постоянном напряжении, так что держи ухо востро. Понял?

Нань Цзин молча кивнул.

Помощники бесшумно и слаженно бросились к актёру поправлять грим. Сам исполнитель главной роли немного поколебался, а затем послушно поплёлся к режиссёру. Нацепив

подобострастную улыбку, он заглянул тому в лицо:

— Режиссёр Юй, подскажите, в чём именно я ошибся?

Ли Ифэй был популярным айдолом с двадцатимиллионной армией подписчиков в соцсетях, взлетевшим на вершину после съёмок в одном известном фэнтези-сериале. Поговаривали, что ради этой роли он задействовал все свои связи и буквально вымаливал её на коленях. Но сейчас этот любимец публики робко топтался перед креслом Юй Аньяня, пытаясь заискивающе поймать его взгляд.

Юй Аньянь лишь лениво шевельнул пальцами, давая знак гримёру убрать непослушную прядь со лба актёра. Его голос, раздавшийся из динамиков пульта, прозвучал безразлично:

— Волосы лежат не так, как нужно. Лицо каменное. Заново.

По лицу Ли Ифэя пробежала судорога растерянности. Он натянул вымученную улыбку, пролепетал дежурное «я исправлюсь» и, поняв, что режиссёр больше не удостоит его и взглядом, поспешно ретировался.

Сопровождающий проводил актёра взглядом и снова обернулся к Нань Цзину:

— Да, и запомни ещё одну вещь: режиссёр Юй на дух не переносит прикосновений к себе. Пару месяцев назад одна восходящая звёздочка решила приобнять его перед камерами ради дешёвого пиара. Вот уже три месяца её никто не берёт даже в массовку. Про карьеру может забыть.

Об этом скандале Нань Цзин знал. Та девица продвигалась исключительно за счёт богатых спонсоров и надеялась укрепить свои позиции, раскрутив слухи об интрижке с Юй Аньянем. Однако едва её пальцы коснулись его плеча, как он брезгливо её оттолкнул. С тех пор карьера горе-актрисы была похоронена.

Видя, что кадровик собирается прочесть очередную нотацию, Нань Цзин негромко перебил его:

— Я знаю. Я изучил всё, что связано с режиссёром.

На самом деле он собирал сведения о Юй Аньяне уже не один день.

Кадровик прищурился, окинув его подозрительным взглядом. Неужели этот заморыш тоже надеется втереться в доверие к Юй Аньяню и устроить свою жизнь за его счёт?

Мужчина презрительно хмыкнул и вполголоса процедил:

— Советую сразу выкинуть эту дурь из головы. Кто такой господин Юй, а кто ты? Веди себя тише воды, ниже травы. Если из-за твоих фокусов у меня будут неприятности, я лично тебя закопаю.

Нань Цзин смолчал, переводя взгляд на Юй Аньяня. Тот сидел на низком походном стульчике и пил воду из термоса — самое будничное действие, но под ярким светом софитов его запрокинутое лицо с фарфоровой кожей казалось невероятно величественным. Он выглядел безраздельным властелином этого павильона, которого никто не смел ослушаться.

Режиссёр открутил крышку термоса, сделал глоток и прикрыл глаза. Словно почувствовав чужое присутствие, он резко повернул голову в сторону Нань Цзина. Его зрачки, глубокие и тёмные, обдали парня ледяным высокомерием.

При повороте головы несколько прядей выбились из его короткого хвоста. Под прямым светом софитов алая родинка на его бледном лице казалась вызывающе яркой. Юй Аньянь, видимо услышав шёпот, окинул тёмный угол подозрительным взглядом. Кадровик тут же испуганно вжал голову в плечи, пытаясь слиться со стеной.

Его взгляд скользнул по Нань Цзину, словно лезвие льда. В этих глазах не было злости — лишь полнейшее равнодушие, будто парень был бездушной бутафорией, которую в любой момент можно вышвырнуть за ненадобностью.

Впрочем, Нань Цзину было всё равно. Ведь на его груди покоились колокольчики загробного союза, один из которых намертво связывал его судьбу с этим надменным человеком. Парень моргнул — и сквозь полумрак павильона скользнула призрачная красная нить, соединившая его с Юй Аньянем. Она тускло блеснула и тут же растаяла в воздухе.

Стоило нити исчезнуть, как в ушах раздался чистый металлический звон. Нань Цзин едва заметно повёл плечом. Он завёл руку за спину, нащупывая под воротником шнурок с колокольчиками. Его пальцы бережно перебрали связку справа налево: второй по счёту серебряный бубенец мелко и часто дрожал.

Эту связку ему когда-то оставил старик-тряпичник. Из-за слабого здоровья и уязвимой энергетики Нань Цзин не протянул бы долго без загробного союза, подпитывающего его жизненные силы.

Старик предупреждал: если колокольчик зазвонит сам по себе — связь дала трещину. Нужно срочно отыскать того, к кому ведёт нить судьбы, забрать у него парный оберег и провести ритуал заново. Главное — оберегать этого человека от беды, ведь если он погибнет, то и сам Нань Цзин отправится на тот свет.

Долгие годы все пять бубенцов хранили безмолвие. Но месяц назад второй колокольчик внезапно зазвонил. По крупцам собирая зацепки, Нань Цзин вышел на Юй Аньяня и расшибся в лепёшку, лишь бы устроиться в его команду.

Внезапно огромная хрустальная люстра под потолком покачнулась с противным металлическим скрежетом. По павильону пронёсся ледяной сквозняк, а по стальным тросам подвеса змеями заструились едва заметные чёрные тени. Никто не успел опомниться, как крепёж с сухим треском лопнул.

Кадровик оцепенел от ужаса. Отовсюду донеслись испуганные вопли — многопудовая конструкция летела прямо на режиссёрское кресло. Нань Цзин среагировал мгновенно: на ходу сбросив рюкзак, он рванулся вперёд и в отчаянном прыжке повалил Юй Аньня на пол.

Грохот разорвал тишину павильона. Хрустальный плафон разлетелся на тысячи осколков, веером полоснув по упавшим людям.

Юй Аньня лежал на полу, судорожно хватая ртом воздух. Он прижал ладонь к шее, откуда из свежей царапины сочилась кровь. Кепка отлетела в сторону, а в расширенных зрачках сквозь привычную спесь проступал затаённый ужас. Из выроненного термоса по полу растекался горячий настой с ягодами годжи. Алая слезинка у внешнего уголка глаза мелко подрагивала.

Нань Цзин приподнялся. Белый бинт на левом запястье вымок в пролитом чае, неприятно лип к коже и сползал. Присев на корточки, парень попытался правой рукой перевязать рану потуже, как вдруг чья-то ладонь железной хваткой вцепилась в его предплечье. Юй Аньня сжимал его руку так сильно, что его костяшки побелели.

— Зачем ты меня спас? — хрипло спросил режиссёр, и даже сейчас в его голосе сквозило ледяное пренебрежение.

Нань Цзин замер. В его светлых, прозрачных глазах не отразилось ровным счётом ничего. Спокойно встретив полный злобы взгляд Юй Аньня, он ровно ответил:

— Был обязан. Умрёшь ты — умру и я.

Юй Аньня сжал его руку ещё крепче. Несмотря на то что по его собственному лбу и виску текла кровь, он лишь брезгливо усмехнулся:

— Мне не нужна помощь от таких, как ты.

— Скорую! Вызывайте врачей! — закричал кто-то из толпы, заметив кровь на раненых.

Сопровождающий стоял разинув рот, ошалело глядя на пустующий угол, где только что стоял его подопечный. Тот самый Юй Аньня, который на дух не выносил чужих прикосновений, сейчас сам судорожно сжимал запястье безвестного ассистента?

Сутки спустя небо разродилось тяжёлым, бесконечным ливнем. В сыром полумраке заброшенного подвала двое мужчин грубо волокли по полу джутовый мешок. Ткань разошлась, и на холодный бетон вывалился труп молодого мужчины. Он погиб совсем недавно — плоть ещё не успела закоченеть. Самым жутким было то, что на его спине, прямо между аккуратными лопатками, зияла ровная глубокая рана.

— Который это уже за последние два месяца? Мать твою, ну и чертовщина... Дай сигарету.

Второй глубоко затянулся, сплюнул на бетонный пол и буркнул:

— Не нашего ума дело. Нам платят — мы таскаем. Кстати, тот сине-чёрный кувшин в дом Нань уже отвезли?

— Ещё утром. Семья Нань ради наживы совсем страх потеряла. Надо же, подложить под такую дрянь парня, которого сами столько лет воспитывали.

Собеседник глухо рассмеялся:

— Думаешь, они идиоты? Пустили слух, будто нашли потерянного в детстве сына. Да любой дурак понимает: мальчишку приволокли с одной целью — отвести беду от их ненаглядного Нань Хунсюаня.

Нань Хунсюань — старший сын семейства Нань из Цзинши. Два года назад он ворвался в шоу-бизнес и мгновенно взлетел на вершину благодаря роли в фэнтези-сериале. Недавно он закрепил свой статус, сыграв жертву в детективной драме: образ израненного, но упорного героя принёс ему толпы преданных фанатов и статус ведущего молодого актёра. Сейчас он был нарасхват.

Хотя само семейство Нань на фоне знати Цзинши выглядело довольно скромно, Хунсюань умудрился завести дружбу со многими влиятельными наследниками и мэтрами киноиндустрии.

Мужчина неторопливо выпустил изо рта сизое облако дыма:

— А этот приёмыш, Нань Цзин, вырос на улице. Его подобрал какой-то старик-тряпичник, который не так давно помер.

— Слышал, этот оборванец тоже пытается пробиться в кино. Но по сравнению с молодым господином Нань он просто грязь под ногтями. Небо и земля.

— Сейчас он оттирается на задворках киностудий Столичного града. Актёр из него никакой, так что даже в массовку берут неохотно. Соглашается на роли всякой нечисти да покойников — за них другие братья боятся. А в перерывах между съёмками подрабатывает среди коллег

дешёвым гаданием.

— Гаданием? И что, собственную смерть этот прорицатель проглядел? — ухмыльнулся второй.

— Да обычный шарлатан, — прохрипел первый. — Но если семейство Нань заставит Нань Цзина прикоснуться к сине-чёрному кувшину, он станет живым щитом для Хунсюаня. Живым ему из этой петли не выбраться.

Второй сочувственно осклабился:

— Ну ещё бы. Стоит Нань Цзину коснуться этого сине-чёрного кувшина, как его судьба намертво сплетётся с тем проклятым наследником из клана Юй.

— Старший молодой господин Юй, конечно, хорош собой и при деньгах, но знающие люди говорят, что ему не суждено перешагнуть порог двадцатидвухлетия. Ну и славно: отправятся на тот свет дуэтом, а нам меньше мороки.

Ливень за окном стеной стоял над Цзинши. В роскошном, утопающем в зелени особняке семейства Нань слуги поспешно закрывали окна и занавешивали рамы плотными шторами.

Глава семейства Нань, вальяжно раскинувшийся в глубоком кожаном кресле, небрежно взмахнул рукой. Это был бледный мужчина с тяжёлыми бровями и синеватым отливом губ, чья осанка выдавала привычку повелевать. Заметив его жест, прислуга бесшумно удалилась, оставив хозяев наедине.

Отец Нань подался вперёд, и на его лице проступило торжество:

— Клан Юй отдаёт нам древний драгоценный камень из раскопок. Его оценивают минимум в миллиард. На аукционе за него оторвут руки, у нас сразу появятся свободные деньги. Я принял их предложение. Скоро сине-чёрный кувшин будет у нас.

По левую сторону на диване устроилась его супруга — хрупкая, изящная женщина в синем шёлковом платье. Она казалась беззащитной садовой розой, привыкшей прятаться от любых бурь. Услышав слова мужа, она испуганно отвела глаза и тихо пролепетала:

— Но Хунсюань — наш единственный сын. Ему ни в коем случае нельзя притрагиваться к этому кувшину. Он ведь проклят... Говорят, от одного его присутствия люди чахнут и умирают. Миллиард — это, конечно, богатство... но, может, не надо? — робко прошептала она, сжимаясь под суровым взглядом мужа.

— Что ты понимаешь, женщина? — презрительно фыркнул отец Нань. — Этот камень — не просто кусок дорогого стекла. Владение такой реликвией автоматически поднимает наш статус в глазах элиты Цзинши и гарантирует нужные знакомства. И потом, ты хоть понимаешь, кем приходится Юй Аньян для своего отца? — Он смерил жену насмешливым взглядом. — Парень гениален во всём, да только звёзды сулят ему скорую смерть. Отец в нём души не чает. Если мы поможем им отвести беду, все ресурсы клана Юй окажутся в нашем распоряжении. Вот тогда наша семья взлетит по-настоящему, — отец Нань с гордостью и теплотой посмотрел на сына. — И наш Хунсюань займёт в индустрии место ничуть не ниже, чем этот хваленый режиссёр.

Нань Хунсюань скромно опустил голову и мягко улыбнулся:

— Ну что ты, пап, не говори глупостей. Режиссёр Юй — признанный гений с невыносимым характером. Сейчас он на меня даже не посмотрит.

— Ещё как посмотрит, — осклабился отец. — Мало того что посмотрит — он на коленях будет ползать перед тобой, вымаливая прощение и благодаря за спасение своей шкуры.

— Но как бы то ни было... мы ведь не заставим Хунсюаня прикасаться к этому кувшину? — дрожащим голосом спросила мать.

— Разумеется, нет, — отмахнулся муж. Он повернулся к ней, и его голос зазвучал ядовито и безжалостно: — Но ты ведь не забыла, что в молодости прижила на стороне выроodka от какого-то нищего проходимца? Я навёл справки. Какое совпадение: он тоже носит фамилию Нань, зовут Нань Цзином. Его дата рождения так и дышит загробным холодом — идеальный щит. К тому же сейчас он отирается на побегушках у этого самого режиссёра Юй. Он-то и примет удар вместо нашего Хунсюаня.

Женщина вздрогнула всем телом, но лишь безмолвно прикусила губу. Возразить у неё не хватило духу.

Нань Хунсюань подпёр рукой подбородок, изобразив на лице глубокое сочувствие:

— Раз уж он приходится мне братом, пускай и неофициальным, да ещё и так бедствует... Пап, когда будешь отдавать ему кувшин, выдели ему хоть немного денег.

— Выродок с помойки тебе не брат, — недовольно отмахнулся отец. — Хунсюань, ты слишком добр к людям. На шею ведь сядут.

— Ну папа! — надул губы юноша.

Отец со вздохом сдался под натиском любимого сына:

— Ладно, ладно, уговорил. Только ради тебя. Мы заберём миллиард, так что отжалеть этому отродью пятьсот тысяч я могу. Идёт?

— Вот это другое дело, — довольно заулыбался Нань Хунсюань.

Снаружи раздался негромкий, настойчивый стук в дверь.

Глаза главы семейства торжествующе блеснули:

— А вот и наш кувшин!

<http://bllate.org/book/19041/1897189>